

ДОЧЬ ВОЛКА

Андрей ДЫШЕВ
**МОИ ДРУЗЬЯ
ГОЛОВОРЕЗЫ**

Андрей Михайлович Дышев
Мои друзья головорезы
Серия «Дочь волка и Кирилл Вацура»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67064211
А. Дышев. Мои друзья головорезы:

Аннотация

Бывший десантник-спецназовец Кирилл Вацура, его близкий друг Влад и любимая девушка Анна нашли клад с древними золотыми монетами. Сокровища на некоторое время поместили в банк. Но принести золото в банк оказалось намного проще, чем его оттуда вынести. Какие-то бандиты подкараулили Кирилла у дверей банка и, приставив к его затылку пистолет, отобрали кейс. Однако через минуту тяжелый чемоданчик взорвался у них в руках – в нем оказалась взрывчатка, а не золото. Кирилл чудом остался жив. И теперь предстоит выяснить, кто из двоих хотел от него избавиться – близкий друг Влад или любимая девушка Анна? Но все оказалось намного сложнее...

Содержание

1	5
2	18
3	27
4	34
5	42
6	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Андрей Дышев

Мои друзья головорезы

Андрей Дышев

* * *

1

Анна должна была ждать меня под МКАД на Симферопольском шоссе. В телеграмме я все указал точно: место, дату, время. Я не опаздывал, и все же летел по своему обыкновению со скоростью сто восемьдесят километров в час. Но уже за километр до развязки пришлось резко тормозить: поток машин сливался в один ряд. Дорогу с обеих сторон сужали ограничители, раскрашенные ядовито-оранжевыми полосами.

Я нервничал. Мое нетерпение трудно было передать словами. Меня ждали сумасшедшие деньги!

Машины все сильнее уплотняли дорогу. Вскоре я остановился за потрепанной "шестеркой". В морозном воздухе клубились облака выхлопов. Пылающими углями горели красные огни габаритов. Водитель "газели" с брезентовым фургоном, следующей за мной, оказался еще более нетерпеливым, чем я. Машина выкатилась с полосы и попыталась обойти меня справа. Я хладнокровно смотрел в боковое зеркало, как ее борта проплывают в несколько сантиметров от крыла моего "опеля". Наконец, "газель" встала, зажатая машинами уже со всех сторон. Ее фургон закрывал от меня все, что находилось справа, и я стал беспокоиться – как бы не пропустить Анну.

Бестолковость московской пробки, где ни один водитель

не считается с интересами другого, вскоре вывела меня из себя, и я, выехав на полосу встречного движения, погнал вперед.

Анну я так и не нашел. Может быть, она опаздывала. Или же, увидев такое скопление машин, не стала надеяться на удачу и вернулась домой. Как бы то ни было, я пролетел место нашей встречи с легким сердцем. Сначала в банк, решил я. А потом я позвоню ей из ближайшего автомата.

Перед тем событием, которое меня ожидало, заурядная встреча с подругой теряла смысл, и я очень скоро о ней забыл. Невозможно передать словами охватившее меня чувство, когда я подъезжал к "Элекс-банку", где в сейфе, арендованном Владом на мое имя, меня ждал кейс, набитый золотыми босднебоспорскими монетами пятнадцатого века. Каждая такая монета у "черных" антикваров идет по триста баксов!

Встроенный в дверь глазок телекамеры циклопом уставился на меня.

– Вы к кому? – раздался мужской голос из динамика.

– На мое имя арендован сейф, – ответил я.

– Ваша фамилия?

– Кирилл Вацура.

– Покажите пропуск.

Я достал из кармана и поднес к глазку пластиковую карточку. Несколько секунд циклоп смотрел на нее.

– Вы лично арендовали?

– Нет. Мне предоставлено право открытия сейфа.

– Кто арендатор?

– Уваров. Влад Уваров.

– Секундочку!

Я притаптывал от холода на мраморной лестнице парадного входа "Элекс-банка", искоса поглядывая на глазок. Разговаривать с тем, кого не видишь, и от которого ты в данный момент зависишь – унижение. Мне хотелось вынуть изо рта жвачку и налепить ее на матовый, отливающий перламутром глазок, но служба безопасности банка вряд ли бы меня правильно поняла.

Влад Уваров – великий выдумщик и перестраховщик. Вся его жизнь, насколько я мог о ней судить, была посвящена тому, чтобы наполнить ее трудностями и препятствиями. Ну зачем ему понадобилось арендовать сейф, подписывать договора и обязательства, платить дурные деньги, чтобы таким крученым способом передать мне мою долю? Не проще ли было избрать простой и проверенный широкими масса-ми способ: встретиться где-нибудь в метро, скажем, на станции "Пушкинская", вручить мне кейс, потрепаться пару минут, вспомнить о наших злключениях в закарпатском заповеднике, где мы откопали полуистлевший сундучок, некогда принадлежавший средневековому консулу Христофороли Негро, а затем мило расстаться?

Лязгнул тяжелый электронный замок. Молодой мужчина в белой рубашке и галстукe смерил меня взглядом, в котором

легко угадывалось разочарование. Он привык, что клиенты престижного банка, пользующиеся именными сейфами, выглядят куда более ухоженно, чем я. Побриться, конечно, я мог – достаточно было подключить электробритву к адаптеру и шлифовать свои щеки даже не останавливая машины где-нибудь между Серпуховом и Москвой. Впрочем, все это мелочи жизни. Жаль, что служащим банка не принято давать чаевые, а то можно было бы припечатать к его ладони трехграммовую монету девятисотой пробы с изображением всадника с копьем, легко убедив его в том, что легкая небритость и пуховая куртка "аляска" – всего лишь причуды очень богатого человека.

Секьюрити еще раз взглянул на мою пластиковую карточку, вернул ее мне и бесстрастным голосом сказал:

– Следуйте за мной.

Из фойе, на сером ковровом покрытии которого я оставил следы грязного снега, мы спустились по лестнице в подвал, гудящий от неоновых ламп и остановились перед тяжелой металлической дверью, очень похожей на те, которые используют в бомбоубежищах. Молодой человек вставил карточку в щель на пульте. Компьютер бесшумно считал код. На пульте вспыхнула зеленая лампа. Взявшись обеими руками за колесо, секьюрити не без труда отворил дверь. В маленькой, ярко освещенной комнате, нас встретили двое вооруженных мордворота. Они преградили мне путь своими неповоротливыми от бронежилетов торсами, молча и до-

вольно бесцеремонно прогладили меня с ног до головы металлоулавливателями, и после этого чистилища меня, честного, законопослушного и добропорядочного, впустили в следующую комнату.

Ослепительно улыбаясь, ко мне подошла тонкая и бледная от долгого пребывания под землей девушка в черном костюме.

– Добрый день, господин Вацура! – сказала она. – Будьте добры вашу карточку! Присаживайтесь! – Она показала на кресло у овального стола, села напротив меня, нацепила на нос очки и опустила голову.

На столе лежали листы договора. Я узнал почерк Влада – такими корявыми, оторванными друг от друга буквами наверняка никто кроме него больше не пишет.

– Нам надо решить с вами один вопрос, – сказала девушка. – Дело в том, что срок аренды истекает, и если вы хотите снова что-либо доложить и оставить сейф за собой, то мы должны продлить договор.

– Нет, ничего продлевать не будем. Я заберу то, что там есть, и мы распрощаемся. Сейф мне больше не нужен, – ответил я. От легкого приятного возбуждения меня тянуло на общение, на ненужные вопросы, которые совсем не обязательно было задавать, и я спросил: – А почему вы так странно сказали: "снова что-либо доложить"? Я ничего туда не докладывал. Я здесь вообще первый раз.

Девушка смутилась, словно допустила оплошность, близ-

ко поднесла документы к глазам и уставилась в нижний угол листа.

– Ну да, правильно. Это не вы, а господин Уваров, который арендовал сейф. Он открывал его повторно, спустя месяц после того, как получил ключи, – произнесла она осторожно, как работает сапер, который боится ошибиться хотя бы раз. – Вот его роспись.

– Я об этом ничего не знал, – удивился я и пошутил так, как в этом заведении не следовало бы шутить: – Надеюсь, сейф не пуст?

– Этого мы не знаем, – почему-то волнуясь и краснея, словно я подозревал ее в хищении, ответила девушка. – Сотрудники банка не знакомятся с содержимым сейфов.

– Ну да, – кивнул я. – Это очень разумно.

– Тогда, – растягивая гласные, ответила девушка, – распишитесь вот здесь... и здесь. И поставьте время и дату открытия.

Я подписал бумаги, мельком взглянув на корявую роспись Влада, стоящую графой выше, и на дату последнего открытия сейфа – 24 ноября. Служительница бункера убрала документы в стол, поднялась и сверкнула зубами.

– Пройдемте.

Я ожидал, что меня еще долго будут водить по катакомбам, напичканным чуткой электроникой и вооруженными мордоворотами, но девушка подошла к узкой бронированной двери, встала перед ней, в поле зрения видеокамер, и

замок тотчас щелкнул. Девушка не вошла внутрь, но жестом пригласила меня.

– Сейф номер "восемнадцать-сорок шесть", – сказала она кивая на блок черных металлических ячеек, возвышающихся от пола до потолка и чем-то напоминающих почтовые абонементные ящики.

Я подошел к своему сейфу, вставил в гнездо ключ и набрал, как на телефонной клавиатуре, личный код, который со свойственным ему черным юмором придумал Влад: "666". Девушка в это время стояла в дверях, повернувшись ко мне вполоборота.

Крышка сейфа бесшумно открылась. Я выдвинул ящик. В глубокой нише стоял кожаный кейс.

Он оказался тяжелее, чем я предполагал, и где-нибудь в другом месте я, дабы не оттягивать руки, обязательно взгромоздил бы его на плечо. Впрочем, нести эту тяжесть было приятно. И, полагаю, намного приятнее, чем Владу. Он нес чужое, а я – свое.

– Всего доброго, – поклонилась мне девушка, не удержавшись от того, чтобы не скользнуть взглядом по кейсу.

Мне очень хотелось сделать ей что-нибудь приятное. Я чувствовал себя сильным и добрым.

– Может быть, мы сегодня поужинаем вместе, а потом мы вместе встретим рассвет? – спросил я вполголоса, но дитя подземелья, не скрывая глубочайшего сожаления, дала мгновенный отлуп:

– Это невозможно.

Чушь, подумал я, пожав плечами. С таким чемоданом нет ничего невозможного. Что ж, пусть тебе будет хуже.

Я уже думал о другом: о "черных" антикварах, скупщиках золота и огромных деньгах, часть из которых пойдет на ремонт моей гостиницы в Судаке, на строительство элитарного кафе на набережной и пункта проката водных мотоциклов, и потому обратный путь на свет Божий показался мне куда более коротким.

На выходе меня остановил все тот же представитель службы безопасности.

– Не желаете ли нанять охрану?

Черт бы его подрал! Своим вопросом он вытолкнул меня из мира сладких грез и далеко идущих прожектов в насыщенную смогом атмосферу российской столицы с ее грустной криминальной статистикой.

Я раздумывал. Если охрана не доставит мне слишком больших хлопот, то вовсе не лишним будет нанять двух мордоротов с "калашниковыми", чтобы они проводили меня до гостиницы. Оттуда я позвоню Анне и Владу. Можно будет собраться, отметить мой приезд...

Я кивнул. Секьюрити оживился, почувствовав клиента на крючке и торопливо объяснил детали:

– Тогда вам надо будет пройти со мной и подписать договор. Стоимость услуги включает в себя страховочные десять процентов от суммы оценки ваших ценностей, плюс двести

долларов за броневедомобиль.

Такие наглые циффы не сразу сосчитаетшь. Несколько мгновений я тупо смотрел в лицо молодого человека, после чего, кажется, мои глаза стали вылезать из орбит.

– Десять процентов? – переспросил я.

– Ну да, – подтвердил секьюрити, опасаясь, что я его неверно пойму. – Десять процентов от той суммы, которую вы сами назовете. Если вы оцените свой багаж, к примеру, в десять тысяч долларов, то должны будете заплатить нам всего тысячу.

– А если меня по дороге все же ограбят?

– Это маловероятно! – неуверенно усмехнулся охранник. – Но даже если это предположить, то по договору мы выплатим вам страховку в десять тысяч долларов.

Знал бы ты, сколько в этом кейсе, подумал я и, якобы сожалея, вздохнул.

– Нет, благодарю. Эти бумаги, – я с трудом приподнял кейс, – большой ценности не имеют.

– Как хотите, – пожал плечами секьюрити, и его прощальная улыбка показалась мне гадкой, скрывающей затаенное желание, чтобы меня тукнули где-нибудь за углом.

Жадность фраера сгубила, к чему-то подумал я и вышел на мороз.

Мой "опель-сенатор", за то время, пока я ходил по лабиринтам бункера, присыпало снегом, и теперь он чем-то напоминал седого негра. Я провел щеткой для мойки окон по вет-

ровому стеклу, словно снял пену с щеки бритвенным станком. Продрогший на холоде пес застыл у моих ног, со слабой надеждой ожидая подачку. Прогреваясь, двигатель тихо урчал на малых оборотах, и черная выхлопная труба брызгала конденсатом, оставляя на снегу веер черных точек. Я счищал снег и не мог избавиться от сладкого ощущения небывалой свободы, какую может дать только большие деньги.

Кейс, лежащий на заднем сидении, отливал аспидной чернотой и манил к себе позолоченными цифровыми замками. Про шифры Влад мне ничего не говорил. Наверное, забыл про такую мелочь. Я уже знал, что замки закрыты – мое терпение и любопытство иссякли, как только я зашел на территорию автостоянки, огороженной со всех сторон высокой оградой из сетки-рабицы. Пальцы судорожно подергали застопоренные кнопки, и я издал мучительный стон. Можно было, конечно, немедленно взломать замки отверткой или выбить несколькими ударами молотка – стоимость кейса была ничтожной в сравнении с ценностью его содержимого. Но я взял свою природную нетерпеливость в кулак и решил не уподобляться Кисе Воробьянинову с топором в руках. От силы через час я буду в каком-нибудь уютном гостиничном номере, где ни голодные псы, ни охранники, никто не увидит, каким жарким отблеском сияет нумизматическое золото.

Охранника на выезде с автостоянки не было. Еще пятнадцать минут назад он курил в проеме ворот, утрамбовывая валенками рыхлый снег. Теперь же ворота были заперты на

замок, а двери будки распахнуты настежь.

Мне это не понравилось, хотя ничего подозрительного в том, что человек на минуту отлучился со своего поста, думая, что мой "опель" прогревается на морозе, как "запорожец" или "копейка" минут пятнадцать-двадцать. Был пятый час вечера, столичный деловой район кишел людом, и мне никто не угрожал. Потому я лишь требовательно посигнализировал, досадуя на то, что свидание с золотом консула оттягивается еще на несколько минут.

Охранник не вышел, и я рванул рычаг стояночного тормоза, сделал музыку погромче и, скрестив руки на груди, стал ждать. Но меня надолго не хватило. Минуты через три я снова надавил кнопку сигнала. Несколько ворон взмыли в воздух, и на капот машины упали комки снега. Я опустил боковое стекло и крикнул:

– Эй, отец! Открывай ворота, колеса к земле примерзают!
Никакой реакции.

Дверь будки качнулась на ржавых петлях и под напором ветра захлопнулась. Я посмотрел по сторонам. Едва заметно стемнело, и большие сугробы, обступившие стоянку неприступным бастионом, отливали стыллой синевой. Я не привык к московскому декабрю, когда в четыре часа уже опускаются сумерки, и в фигурах прохожих начинает угадываться сутулость, а в движениях – торопливость, и загораются автомобильные фары, свет которых выхватывает косяки метели, и в домах теплым семейным светом вспыхивают окна, и за

цветными шторами движутся тени, и вдруг почувствовал себя страшно неудобно. Рассыпая во все стороны ругательства, я заглушил мотор, вышел из машины, нервно хлопнул дверью. Я уже сделал несколько шагов к ступеням будки, как благоразумие и осторожность взяли верх.

Я вернулся к машине и взял кейс. Такие вещи не оставляют даже на минуту. Их лучше все время носить с собой. А еще лучше сожрать.

На последней ступени я поскользнулся и едва не рухнул в снег со своим бесценным кейсом. Злость уже переливалась через край.

– Сторож!! – крикнул я, распахивая дверь, звенящую стеклом. – Где ты есть, черт тебя подери! Открывай ворота, или я сейчас их взорву к едрене фене!

Охранник не отозвался на мой эмоциональный взрыв. Оглядываясь по сторонам, я дошел до конца проходной, выглянул через торцевую дверь наружу. Толпы прохожих, пар над головами, слепящий свет фар. У ларьков, на витринах которых, как елочные гирлянды, светились разноцветные бутылки, подпрыгивали и толкались подростки. И никого, кто хотя бы отдаленно напоминал охранника!

Я сплюнул и подумал, что можно, в конце-концов, поставить машину на прежнее место и добраться до ближайшей гостиницы на метро. А завтра утром прийти сюда и устроить охраннику разнос. Это, как потом выяснилось, была самая мудрая мысль, которая озарила меня за последние два часа.

Не знаю, почему я именно так не сделал. Моя душа для меня не то, что потемки, а мрак могильный. Развернувшись, я пнул ногой турникет проходной и завалился в дежурку.

Ослепленный светом автомобильных фар, я не сразу увидел, что охранник лежит на диване лицом вниз, свесив левую руку и неестественно раскинув ноги. Пьян, подлец! – мелькнула мысль, хотя, скорее, это была последняя попытка успокоить себя и не предположить чего-нибудь более страшного.

Я склонился над затылком охранника, взял его за плечо и несильно потрянул.

В то же мгновение я почувствовал, как мне в затылок уперся холодный металл, в предназначении которого можно было не сомневаться, и над самым ухом я услышал шепот:

– Тихо! Сейчас будем меняться. Ты мне – кейс, а я тебе – ключи от ворот.

2

Человечество еще не придумало такого ругательства, которым я хотел бы себя назвать. Я застыл в полусогнутом состоянии, все еще крепко сжимая ручку кейса. Ощущение праздника, еще только что царившее в моей душе, сменилось гнетущей тяжестью беды. Я не предвидел такого поворота событий; все произошло слишком стремительно, и вся гигантская масса моего будущего с легкостью перевернулась и рухнула в тартарары. Мне надо было всего несколько мгновений вакуума, неподвижности, чтобы прийти в себя и принять действительность. Но незнакомец, стоя позади меня, стремительно запутывал меня в сети.

– Держи! – шепнул он мне, и я почувствовал, как в свободную руку ткнулся какой-то предмет. Все мое внимание и силы были сосредоточены на правой руке, которой я сжимал ручку кейса, и наверное потому я без сопротивления, почти машинально, сжал в ладони что-то тяжелое, выпачканное в чем-то липком и скользком. Скосив глаза, я увидел, что держу арматурный прут, который весь, от начала и до конца, вымазан в густой вишневой крови. Рука незнакомца тем временем змеей скользнула в мой нагрудный карман и вытянула портмоне со всеми документами.

– Машину хотел угнать, – тотчас дал мне понять незнакомец, в каком дерьме я уже увяз. – И сторожа грохнул. Убий-

ца! Давай чемодан и уноси ноги, пока не нагрянули менты.

Я успел оценить коварство и ловкость незнакомца, который всего за минуту перевел меня из разряда пострадавшего в преступники. Разум уже был не в состоянии осмыслить степень моего бедственного положения, и на его место пришел отчаянный, безумный и недалекий инстинкт самосохранения.

Я присел с такой скоростью, словно мне косою срезали обе ноги, и когда ствол оружия скользнул по затылку и ушел вверх, с разворота, как шашкой, рубанул арматурным прутом позади себя. Кажется, незнакомец успел подставить руку и защитить голову. Я увидел лишь, как от удара он запутался в своих длинных одеждах, забился, как подранок, размахивая руками и лапами пальто. Я получил в свое распоряжение то мгновение, о котором мечтал. Ударом ноги открыв дверь и отбросив прут, я вывалился в проходную и кинулся на выход.

Здесь, на вполне оживленной улице, незнакомец в пальто не смог бы преследовать меня столь откровенно, и я, перейдя на шаг, стараясь всем своим видом не привлекать внимания, быстро пошел вперед, расталкивая прохожих и хватая с сугробов снег рукой, выпачканной в крови сторожа.

Слева от меня тронулась и, не набирая скорость, покати-лась за мной легковая машина. Я заметил ее краем глаза и, не тратя времени на выяснение, желают ли мне зла сидящие в ней пассажиры, свернул в первую попавшуюся подворот-

ню, и уже там кинулся со всех ног по темным и грязным проулкам. С треском прорвавшись через холодные и острые, как колючая проволока, кусты, я выбежал на набережную и, рискуя угодить под колеса автомашин, перебежал на противоположную сторону. Только здесь я позволил себе оглянуться по сторонам и переложить кейс в другую руку.

Я понимал, что если свобода дается слишком легко, то это еще не свобода, и что на меня напали люди, наверняка хорошо осведомленные о содержимом кейса. Значит, эти люди пойдут на все.

В черной маслянистой Москва-реке, покрытой белыми пятнами льда, отражались огни домов, стоящих на другом берегу. Если бы лед закрывал все полыньи и был бы достаточно крепок, я бы обязательно прыгнул на него, чтобы запутать следы и уйти как можно дальше от своих преследователей. Если бы я нашел открытый канализационный люк, то спрятался бы в нем. Я готов был влезть в любую щель, в любую нору, чтобы сохранить свою жизнь, подогреваемую энергией золота. Но я сам загнал себя на узкий тротуар, огражденный с одной стороны ледяной водой, и с другой – зловонным потоком автомашин, и был вынужден идти неведь куда.

Я уже владел собой, уже ясно осознавал случившееся. Даже если мне удастся унести ноги и затеряться в паутине московских улиц, все равно путь в гостиницу мне заказан – мерзавец в пальто вытащил из моего кармана паспорт, докумен-

ты на машину, права и все деньги, которые у меня с собой были. Я мог рассчитывать только на то, что смогу дозвониться Анне, если, конечно, в этот субботний вечер она будет дома.

А что потом? Потом мне надо будет распутывать тот клубок, который в считанные минуты наплел мой недоброжелатель. На стоянке, у выездных ворот, остался мой автомобиль. В будке – убитый охранник, рядом с ним валяется арматурный прут с отпечатками моих пальцев. Это серьезно. Понадобится уйма времени и нервов, чтобы доказать милиции свою непричастность к убийству. А потом добывать новый паспорт, права, регистрационное свидетельство на автомобиль. Все это, конечно, ничтожная плата за сокровища, которые я нес в кейсе, и все же...

В минуты опасности ноги подчас бывают важнее головы – она отвлекает. Я снова пришел к такому выводу с опозданием. Грязный, неопределенного цвета и марки автомобиль, идущий в общем потоке мне навстречу, круто взял влево, прижался к бордюру и ослепил меня светом фар. Я дал задний ход, отчетливо услышав сквозь рев моторов, как захлопнулись двери. Я бегаю хорошо, и чтобы догнать меня в первую же секунду, моего преследователя должны были попросту выстрелить из пушки. Тем не менее кто-то, шумно хрипящий, как сторожевой пес, подсек мне ногу, и я хватаюсь за воздух, полетел на асфальт. Хорошо, что при падении я ткнулся лицом в упругий бок кейса, иначе расквасил бы

себе нос о лед.

То, что этот поединок я проиграл, мне стало ясно очень скоро. Едва я попытался подняться на ноги, как слева мне в голову врезался тяжелый ботинок. Удар был очень чувствительным, но я все же не выпустил кейс и даже попытался прикрыться им от очередного удара, но очередной последовал с другой стороны. Меня, лежащего на обледеневшем асфальте, били трое или четверо мужчин.

Это наказание за мою несговорчивость продолжалось, к счастью, недолго. Холодная, изрезанная глубоким протектором подошва зимнего сапога придавила мою руку, все еще сжимающую ручку кейса. Я заорал от боли; казалось, что мне на руку наехал КамаАЗ. Если бы я не разжал пальцы, то сапог превратил бы мою кисть в отбивную. Сплевывая кровь, бормоча какие-то смешные угрозы, я с трудом поднялся на четвереньки и посмотрел вслед незнакомцам. На фоне горящих фар я видел лишь их силуэты и черный квадрат кейса, похожий на знаменитую картину Малевича. Я чувствовал себя втоптаным в грязь в самом прямом смысле и, не пытаясь встать на ноги, привалился спиной к металлической ограде.

Снова хлопнули дверцы. Машина, с визгом сорвавшись с места, проехала несколько десятков метров и свернула в темную подворотню. Жадность фраера сгубила, повторял я в уме, уже не испытывая ни горечи, ни боли, а лишь какое-то странное опустошение и даже облегчение.

То, что произошло потом, вывело меня из коматозного со-

стояния в одно мгновение. Едва красные габаритные огни автомобиля скрылись за поворотной, как асфальт, на котором я сидел, содрогнулся от мощного взрыва, и я увидел, как из черного проема, где исчезла машина, вырвалось ослепительное пламя и брызгами полетели искореженные детали машины. Еще не понимая, что произошло, и обуреваемый лишь желанием увидеть финальную сцену, я вскочил на ноги и кинулся в поворотню.

Машина, а точнее, ее покореженный каркас, чадил и сыпал искрами. Крыша кабины, развороченная мощным взрывом, напоминала жерло вулкана. Двери были сорваны с петель и, изуродованные до неузнаваемости, валялись на асфальте. Крошки стекла хрустели под моими ногами, как прибрежная галька. Вылившийся бензин горел поверх льда, словно жертвенный огонь. Изувеченные, истерзанные тела моих обидчиков свисали с порогов машины, словно сваленная в кучу одежда.

Это что случилось, бормотал я, медленно подходя к останкам. Это кто ж их так...

Я наступил ногой на маленький черный предмет, посмотрел на него и сразу узнал в нем ручку от своего злополучного кейса. И тут до меня дошло, что мое золото не досталось никому и взлетело на воздух. Осознание этого было настолько страшным, настолько чудовищным, что меня вмиг прошиб холодный пот. Лучше бы они благополучно продали его антикварам, подумал я. Столько золота пропало даром!

Я стал шарить глазами под ногами, в надежде найти хотя бы одну монету, но не видел ничего, кроме осколков стекла и покореженных кусочков кузова. Куда ж они подевались? — думал я, опускаясь на колени и заглядывая под днище машины. Испарились, что ли?

Мужчина в длинном пальто лежал рядом с залитым кровью лицом. Доигрался, свинья, подумал я с удовлетворением и остро, до безумства, захотел продолжения драки.

Почти шесть тысяч золотых монет размером с трехпечечную монету исчезли из изуродованной машины, словно их там никогда и не было! Исчезли почти на моих глазах, в несколько секунд! Да какой бы силы ни был взрыв, но с десятков погнутых, оплавленных монет я обязательно бы нашел. Что ж это получается? Эти четверо негодяев за мгновение до взрыва выкинули дипломат своим сообщникам? Но отчего тогда машина взорвалась? А может быть здесь, в темном и мрачном тупике, их поджидали конкуренты, которые успели вытащить из машины кейс и швырнуть в салон бомбу?

Меня уже стремительно нес поток событий, и я не сопротивлялся ему, а наоборот, окунался все глубже и глубже в водоворот. Нет, подумал я, задыхаясь от волнения и предчувствия большой игры. Надо быть идиотом, чтобы так просто отсюда уйти.

Оглянувшись и убедившись, что машину еще не успели окружить зеваки, что милиция, может быть, появится здесь не так скоро, я присел на корточки у трупа и стал стаскивать

с него окровавленное пальто. Это было нетрудно сделать – взрывом труп уже наполовину раздело. Потом я подхватил обмякшее тело под мышки и поволок к бордюру. Я не боялся испачкаться в крови, это как раз было выгодно мне.

Перевалившись через перила, тело плюхнулось в воду реки, и течение тотчас затянуло его под тонкий лед. Следом за ним я отправил в пучину свою "аляску". Затем бегом вернулся к машине и, содрогаясь от брезгливости, надел на себя пальто погибшего. В те минуты я еще сам до конца не понимал, чего я добиваюсь, в какое болото я сам себя затаскиваю. Это был бесшабашный азарт игрока, когда холодный расчет уступает место самым неоправданным и безумным ставкам.

Я уже слышал вой сирены и, путаясь в длинных полах пальто, втиснулся рядом с тем местом, где еще совсем недавно сидел водитель, просунул ноги сквозь рваные дыры в кузове, перегнулся через развороченное сидение, уперся руками в липкий, жирный от крови асфальт и лег в гадкую лужу лицом вниз.

В таком положении, свисая из кабины почти вниз головой, я легко и быстро вошел в роль тяжело раненного человека. Мне действительно было больно – мерзавцы не щадили моей головы, когда били меня ногами. Кровь стучала в висках, отвратительный запах теплого ливера вызывал тошноту, острые края покореженной жести впились в ноги, и я почти натурально застонал.

Рядом скрипнули тормоза. Фары нескольких машин освещали

тили место драмы. Я услышал топот ног и крики. Какой-то идиот стал поливать давно потухшую машину из огнетушителя, и белая вязкая пена брызнула мне в лицо.

Мне уже было невмоготу лежать в такой неестественной позе, но милиционеры и оперативники, суетящиеся вокруг машины, не предпринимали никаких попыток извлечь меня из покореженного кузова. И тогда я горько посочувствовал всем пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях. Наверное, много людей умерло под обломками машин, не дождавшись помощи.

Я уже терял сознание, когда, наконец, двое мужчин в оранжевых спецовках, стали распиливать корпус машины и освобождать мои ноги. Меня выволокли за руки и положили рядом с машиной на асфальт. Я негромко простонал, чтобы спасатели поняли, что я еще не труп. Большого эффекта на окружающих это не произвело, лишь некто сердобольный подложил мне под голову какую-то тряпку.

Потом подъехали телевизионщики из "Дорожного патруля". Ассистенты налаживали освещение, оператор снимал меня с разных позиций. Это продолжалось еще минут пятнадцать. Только потом ко мне подпустили врачей.

В машине "Скорой помощи" я по-настоящему потерял сознание.

3

Сначала я подумал, что это автомобильные фары несутся на меня. Вскрикнул, дернулся, попытался закрыться от них руками, и почувствовал острую боль на локтевом сгибе. Женщина в белом зашипела на меня, успокаивая, как на младенца, и прижала руку к холодной клеенке.

Фары превратились в большие затуманенные очки. Глаза человека в марлевой повязке рассматривали мой лоб, нос и губы.

– Очнулся, – сказала женщина.

– В рубашке родились, Михаил Цончик, – сказал мужчина и выпрямился, унося с собой свои страшные очки.

Я не понимал, о чем они говорят. Сон, который мне бредился, еще напознал прозрачным слоем на реальность, и я с трудом различал, где есть что. Где-то родился Михаил Цончик. А кто это? Фамилия какая-то редкая. Поэт или художник? Но при чем здесь рубашка?

– Вы помните, что с вами случилось? – спросил мужчина, помахав перед моим носом едко пахнущей ваткой. Когда я скривился, он скрутил ватку и послал белый шарик куда-то под стол, на котором я лежал.

– Взрыв, – с трудом разлепил я губы, прислушался к своим ощущениям и добавил: – Голова кружится.

– Небольшое сотрясение мозга, – тотчас поставил диагноз

врач. – Несколько ушибов. Жить будете, не переживайте.

– Счастливчик, – подчеркнула мое привилегированное положение женщина и выдернула из моей руки иглу капельницы.

– А что... А где остальные? – спросил я.

Женщина молча взглянула на мужчину, предоставляя ему право сказать мне тяжелое известие. Врач, сунув волосатые руки в карманы халата, нависал надо мной, как скульптура Петра над Москва-рекой.

– Спасти никого не удалось, – ответил он. – Кто они вам были – родные, друзья?

Я отрицательно покачал головой и только тогда почувствовал на голове повязку, которая закрывала большую часть лица. Врач взглянул на женщину, и она поднялась со стула и тихо вышла.

– Вам не трудно говорить? – спросил мужчина. – Вы можете ответить на несколько вопросов?

– Могу, – якобы делая над собой усилие, произнес я.

– Хорошо, – ответил врач и тоже вышел. Через минуту дверь снова открылась, и ко мне подошел маленький, аккуратно причесанный, с идеально-ровным пробором молодой человек. Он был в темном костюме, поверх которого, как плащ, был накинул белый халат. Человек держал в руках папку. Лицо его было красивым и приветливым. Мне почему-то захотелось назвать его "товарищ секретарь райкома ВЛКСМ".

– Здравствуйте, Михаил Игоревич, – сказал человек, присаживаясь рядом со мной и участливо, как сын у постели больной матери, обвил мою ладонь своими. – Как самочувствие? Идет на поправку? Врач говорит, что вы легко отделались. Это чудо. За это надо благодарить Бога...

Они нашли в пальто какие-то документы убитого и приняли меня за него, понял я. Это очень хорошо. Это так хорошо, что хуже не бывает.

– Моя фамилия Егоров. Я сотрудник отдела по борьбе с терроризмом, – представился комсомольский активист, пытливо глядя мне в глаза, чтобы угадать мою реакцию. Но мне нетрудно было скрыть свою реакцию под маской бинтов. – Я вынужден задать вам несколько вопросов.

Он выждал такую длинную паузу, что мне нестерпимо захотелось выпростать из-под простыни ногу и пнуть его.

– Скажите пожалуйста, – наконец ожил и задвигался Егоров. – Водитель машины или кто-нибудь из числа пассажиров были вам знакомы?

– Нет, – ответил я.

– А как вы оказались в машине?

– Остановил попутку. Попросил подвезти, – произнес я медленно.

– Откуда и куда? – быстро послал очередной вопрос Егоров.

Игра становилась опасной. Я чувствовал себя как на минном поле. Егоров не сводил с меня глаз. Я морщился, обли-

зывал губы, делая вид, что мне трудно и больно говорить.

– Я остановил машину около "Элекс-банка". Попросил отвезти меня в центр.

– Водитель сразу согласился?

– Да, он попросил "полтишку".

– Пассажиры, которые сидели в машине, не показались вам подозрительными?

– Нет. Я их толком и не рассмотрел. Они были у меня за спиной.

– Вас не насторожило, что с набережной машина свернула в проулок?

– Нет. Я плохо ориентируюсь в Москве. Я подумал, что так быстрее.

– И что было потом?

– Потом меня словно по башке грохнули... Вспышка. Грохот. Удар в голову.

– Как образно вы рассказываете, – похвалил меня Егоров. – Приятно работать с людьми, которые умеют так складно и ясно обрисовать обстановку... Еще вопросик: у вас с собой были какие-нибудь вещи? Скажем, портфель, полиэтиленовый пакет или кейс?

– Нет, – покрутил я головой, шурша бинтами. – Ничего не было. Я шел с пустыми руками.

Егоров остался не доволен таким ответом. Он опустил глаза, словно украдкой посмотрел на шпаргалку, лежащую у него на коленях, чмокнул губами, вздохнул и на выдохе

спросил:

– Тогда, может быть, вы обратили внимание, какие предметы держали в руках или на коленях пассажиры?

– Нет, не обратил. А случилось с машиной? – с безразличием спросил я. – Пары бензина?

Егоров дал мне вволю полюбоваться своим красивым лицом.

– Нет, не пары, – наконец ответил он. – Дело в том э-э-э... что среди обломков машины найдены... м-м-м... части самодельного взрывного устройства, которое находилось в черном кожаном кейсе. Оно сработало в тот момент, когда кейс открыли. Эквивалентно стам граммам тротила.

Вот зараза! Не хватает мне умения управлять выражением на своей физиономии. Хорошо, что она наполовину была забинтована, и все же вряд ли мне удалось скрыть от Егорова отвисшую челюсть.

Ошарашенный дикой новостью, еще не понятым финтом Влада, который он выкинул, и счастливым стечением обстоятельств, которое спасло жизнь мне, но казнило четверых грабителей, я закрыл глаза и застонал.

– Вам плохо? – с фальшивой обеспокоенностью спросил Егоров.

– Да, – прошептал я. – Мне только сейчас стало понятно, как близко я был от смерти.

– Ну, будет с вас, – сжалился надо мной Егоров, встал и снова поместил мою ладонь между своими, как гамбургер. –

Выздоровливайте! И обязательно делайте все, что предписывают вам врачи.

Кивком головы я пообещал ему, что так и сделаю. Едва дверь за комсомольским активистом закрылась, как я, не в силах сдержать волнение, привстал с каталки. Вот это дела! Выходит, Влад, скотина, вместо монет подсунул мне бомбу? Ну да, конечно, это намного дешевле. В самом деле, зачем отдавать четыре кило золота, если можно подсунуть сто грамм тротила? А что же Анна? Неужели она знала, что этот Кинг-Конг задумал? Моя Анна, добрая и верная подруга, с которой нам столько пришлось пережить?

Добыть огромные сокровища оказалось намного легче, чем ими воспользоваться. Пока я решал вопросы со своей гостиницей в Крыму, Влад с Анной разделили найденные нами в Закарпатье монеты на троих, и положили мою долю в личный сейф "Элекс-банка" на мое имя – так во всяком случае утверждал Влад, когда звонил по телефону в Судак. Но с чего я взял, что Влад принадлежит к числу людей, которые могут добровольно расстаться с такими бешеными деньгами?

Я никогда полностью не доверял Владу, думал я, расхаживая по маленькой и невероятно чистой перевязочной, накинув на себя простыню, как римский сенатор. И правильно делал, что не доверял: этого нельзя делать по отношению к мужчине, которому нравится твоя женщина. Это потенциальный предатель. Это...

Я распахнул стеклянную дверку шкафа, нашел бутылку с

надписью "СПИРТ", плеснул в мензурку и сел на каталку, болтая босыми ногами. И все же гадко, ох, как гадко на душе! Плохим был Влад другом или хорошим – разбираться можно очень долго. Но все-таки рядом со мной было плечо человека, на которое я всегда мог опереться. Мы многое пережили, когда схлестнулись с бандой гуцулов в Закарпатье. Мы вместе ходили по краю пропасти и вместе вкушали минуты триумфа, когда выкопали из земли полуистлевший сундук. Тогда казалось, что даже из-за Анны мы не разойдемся по разные стороны баррикады. Наверное, я все еще наивен. Я очень, очень наивен...

– Цончик, вы что, с ума сошли? – с порога закричала сестра, которая ставила мне капельницу, и кинулась ко мне. – Вам нельзя вставать!.. Что вы пьете?.. Где вы взяли спирт?.. Я сейчас крикну врача!

Она с опозданием схватила меня за руку и завладела уже опустошенной мензуркой. Ядреный медицинский, 96-ой, осушил рот и стянул язык. Но я проглотил его не морщась, хотя спазм сдавил мне горло.

– Врач... прописал... – с трудом произнес я сиплым голосом и лег, накрывшись простыней с головой.

4

Перед ужином меня перевели в палату, где зализывали свои раны пять мужиков. У них были куда более серьезные проблемы со здоровьем, чем у меня. Если не считать легкой головной боли, я чувствовал себя вполне сносно. Симулировать перед страдающими людьми мне было стыдно, и до тех пор, пока повариха не пригласила больных в столовую, я бродил по коридору, собираясь с мыслями.

Зря я, конечно, затеял эту маскарад с переодеванием в пальто Цончика. В те минуты, когда я стоял у дымящейся машины, мне казалось, что если я отступлю от нее на шаг, дам оттеснить себя милиции, смешаюсь с толпой зевак, то навсегда потеряю возможность выйти на следы того, кто навел на меня грабителей. Теперь выяснилось, что в кейсе были отнюдь не монеты, и моих незадачливых грабителей, невольно спасших мне жизнь, уже можно было вычеркивать из игры.

Меня теперь интересовал только Влад. Нетрудно было догадаться, для чего ему понадобилось отправить меня на тот свет. Человек скурвился, когда наступило время отдавать мою долю. Он подложил мне свинью, эквивалентнуюстамграммам тротила. Он уверен, что я вскрыл кейс, и меня разорвало на части. Он не сомневается, что поставил крест на мне вместе с моими претензиями на часть золота и на Анну. Что ж, я приду к нему с того света и объясню, что он не прав.

Вот только что делать с Анной? Неужели она была заодно с Владом?

Я вышел на лестничную площадку, где был установлен телефон-автомат для больных, но там было темно от желающих позвонить. Тогда я вернулся в отделение и, убедившись, что в коридоре никого нет, зашел в ординаторскую. Там, среди отвратительных гипсовых голов с проломленными черепами, расплюснутыми носами и свернутыми челюстями, я занялся телефоном.

Анна снова не отвечала. Еще несколько секунд я слушал ноющие гудки, потом с облегчением опустил трубку и прижал ее ладонью. Все-таки хорошо, что Анна не ответила. Слушать ее голос и молчать – слишком трудное испытание. Не надо торопиться, сказал я сам себе. Я сначала расквитаюсь с Владом, а потом найду Анну. Если она была с ним заодно, если знала об адской начинке кейса и хотела моей смерти, то я пришлю ей надгробную плиту со своим именем весом в тонну и навсегда уйду из ее жизни. Больше она меня не увидит.

Я помахал рукой изуродованным черепам и вышел в коридор. Калеки в пижамах и спортивных костюмах медленно выползали из столовой – кто с костылем, кто наполовину в гипсе, кто шаркал тапочками, едва передвигая ноги. Казалось, что я иду настречу останкам роте, отходящей в тыл с линии фронта. Большая часть больных задерживалась в холле, где стоял телевизор, включенный на полную громкость.

Все стулья и кресла были заняты, и люди садились на подоконники и большие кашпо, в которых росли фикусы и пальмы.

Меня тронул за руку пожилой мужчина, опирающийся на палочку.

– Это ведь вы?

– Что я?

– Ну вы сегодня в машине взорвались? – обрадованно воскликнул он. – Про вас показывают!

Я все понял и на мгновение оказался в центре внимания, как популярный артист. По телевизору шел "Дорожный патруль". Показывали мрачную подворотню, развороченную взрывом машину, тела, лежащие на асфальте. Комментатор скороговоркой вещал:

– ...водитель и двое пассажиров скончались на месте, еще один пассажир – Михаил Цончик – в тяжелом состоянии доставлен в клинику имени Склифосовского. (Меня перекладывают на носилки. Камера наезжает, окровавленное и совершенно неузнаваемое лицо – крупным планом). По предварительным данным, в машине сработало самодельное взрывное устройство. Кому из пассажиров оно принадлежало и для чего было предназначено – предстоит выяснить следствию. (Носилки задвигают в машину "Скорой помощи". Оперативный работник, сидя на корточках, показывает на ручку от кейса. Камера дает ее крупным планом и останавливает кадр).

В холле началось оживление. Десятки глаз устремились на меня.

– А говорили – в тяжелом состоянии! – сказал кто-то.

– Слава отечественной медицине! – безрадостным голо-
сом добавил второй.

– А не надо бомбы в кейсах возить! – вставил некто ост-
роумный, прячась за чужими спинами.

Мне жидко поаплодировали. Я откланялся и спрятался от славы в палате. Михаил Цончик, думал я, лежа на койке с закрытыми глазами. Михаил Игоревич Цончик. Если Влад случайно увидел эту передачу, то вряд ли узнал меня. При таком освещении, в грязи и крови мое лицо выглядело совершенно дегенеративно. Но если эту передачу увидели родственники или друзья Цончика, то в ближайшее время мне надо быть готовым принять гостей. Словом, вляпался я в приключение на свою голову!

Я уже хотел было встать и пойти к дежурному врачу, чтобы рассказать ему о трагической ошибке, о том, что в суматохе, должно быть, на меня надели пальто Цончика, а я все не Цончик, а Вацура, и надо срочно звонить на телевидение и требовать, чтобы дали опровержение. Но тогда сразу всплывет вопрос: а где в таком случае тело настоящего Цончика? И почему я не возразил "комсомольскому активисту", когда он назвал меня Михаилом Игоревичем?

Скрипнув зубами, я вдавил лицо в подушку и качнулся на панцирной сетке. Надо уносить ноги, подумал я. Это все

добром не кончится. Завтра утром я найду свою одежду и выпрыгну из окна. Еще до завтрака меня уже здесь не будет.

Это твердое решение успокоило меня, и я мгновенно провалился в сон.

* * *

Мне снилось, как я с кейсом в руках катаюсь по снегу, а на меня со всех сторон сыплется град ударов. Боли я не чувствую, тяжелые ноги катают меня по тротуару, как футбольный мяч. "Только по кейсу не бейте! – кричит кто-то над моей головой. – Не бейте по кейсу, а то шархнет!" Я поднимаю голову и узнаю Влада. Его тяжеловесная фигура нависает надо мной, как памятник Пушкину на Тверской. А за его спиной, презрительно улыбаясь, стоит, опершись о перила, Анна, и мне все никак не удается поймать ее взгляд...

Кто-то тряс меня за плечо. Я еще не совсем проснулся, и провел рукой в пустоте, отыскивая кейс, которым можно было бы прикрыть голову. Ослепительный свет обжег глаза, и я поморщился, пытаюсь отвернуться и накрыть голову одеялом. Мощный фонарик, как НЛЮ, повис над моим лицом. Из темноты кто-то негромко сказал:

– Вставай и выходи в коридор.

Тут уже я окончательно пришел в себя и понял, что сейчас глубокая ночь, что я спал на своей койке в палате, кто-то меня разбудил и намерен вытащить из постели.

Я привстал, закрыл ладонью фонарь и спросил:

– Что такое? Кто это?

Мне тотчас заткнули рот рукой. От сильного хвата затрещал ворот больничной пижамы.

– Тихо! – многообещающе прошептала темнота. – Не ори. Делай, что говорят.

– Куда идти-то? Выключите фонарик, ни черта не видно.

Я пытался тянуть время, чтобы хоть немного прийти в себя и собраться мыслями. Но меня грубо толкнули в затылок, и я чуть не свалился с койки. Босым я вышел в коридор. Под руки меня поддерживали двое мужчин в белых халатах и марлевых повязках.

В коридоре должно было гореть дежурное освещение, но там стояла такая же темень, как и в палате. Я заметил, что нас ждали еще двое в белом. Они пошли вперед, открывая перед нами двери. Меня тащили едва ли не волоком. Я слабо сопротивлялся, хотя сам не мог понять, зачем это делаю. Вот и гости, подумал я. Они пожаловали намного раньше, чем я предполагал.

Меня выволокли к лифтам. Те двое, что шли впереди, побежали по лестнице вниз. Я услышал шум, звон разбивающегося стекла, приглушенные крики. Мои конвоиры оставались спокойными и невозмутимыми, лишь крепче, до боли, выворачивали мне руки.

Раскрылись створки лифта. Мы вошли внутрь. Здесь тускло светила лампа, и я мельком взглянул на бритые черепа,

несвежие халаты, надетые поверх черных кожаных курток, и тяжелые ботинки незнакомцев. Они не проявляли агрессивности, не интересовались мной, они держали меня, как грузчики держат холодильник или шкаф.

В холле, куда мы пустились, было светло, как днем. Мои носильщики, пригнув мою голову к груди, кинулись к выходу. Я шлепал босыми ногами по холодному кафелю и косился по сторонам. Два охранника клиники в камуфляже стояли к нам спинами, упираясь руками в стойку гардероба, словно их тошнило, а рядом держал их на прицеле один из моих "гостей" с "калашниковым" в руках. Второй "гость", сжимая двумя руками массивный револьвер, стоял на дверях.

Все происходило в полной тишине. Никто ничего не говорил. "Гости" действовали четко и красиво, как линейные на параде. Едва мы выбежали на улицу, как нас "подрезал" и остановился, словно вкопанный, черный джип. Меня втокнули на заднее сидение. Машина тотчас сорвалась с места и на большой скорости выехала из ворот. В течение нескольких минут джип кружился по ночным улицам, не притормаживая на перекрестках и игнорируя красный свет. На темном повороте, въехав в сугроб, джип остановился. Все, кто был в машине, вышли наружу. Я спрыгнул с подножки и увяз в сугробе почти по колени. Холод был жуткий. Я не мог удержать подбородок; он трясся, и зубы выбивали дробь. Ледяной ветер пронизывал меня насквозь, и тонкая пижама не могла сохранить тепло.

Меня подтолкнули в спину, заставляя идти куда-то в темноту. Если бы они собирались меня убить, подумал я, слабо утешая себя, то сделали бы это в клинике. Один укол с ядом или же петля из полотенца на шее. Для этих мордovorотов удушить спящего человека – пустяк.

Логика была хилой, но меня, в самом деле, не убили в каком-то заледенелом дворе, не оставили замерзать в сугробе. Снимая на ходу халаты и кидая их в снег, "гости" подвели меня к микроавтобусу "ниссан", стоящему на противоположной стороне улицы, открыли двери, и я, не дожидаясь толчка в спину, первым влетел в его еще теплую утробу, упал в мягкое велюровое кресло и поджал под себя ноги.

– Замерз? – участливо спросил один из "гостей", садясь со мной рядом. Он сунул руку за пазуху, вытащил плоскую пластиковую бутылочку с каким-то крепким напитком и протянул мне. Верный друг не оказал бы мне такую услугу, как этот незнакомый "бычара". Я сделал глоток. Это была водка "Белый орел".

Я вернул бутылку. "Гость" мял в руках круглую спортивную шапочку.

– Руки опусти! – приказал он мне и нахлобучил шапку на мою перевязанную голову так, что она закрыла глаза.

Мы тронулись. Я не знаю, куда и сколько времени мы ехали – в водку наверняка было подмешано снотворное, и к жизни я вернулся уже совсем в другом месте и далеко за полдень.

5

Па-па-мо-ми-ме... Отрывистые, мелодичные звуки. Словно на детском электрическом пианино играли "Подмосковные вечера". Перед моими глазами двоился шелкографический узор обоев. Я внимательно рассматривал все его завитки, сеточки, цветочки, прислушиваясь к тому, что происходило за моей спиной. Снова прозвучал отрывок из "Вечеров", только две последние ноты – фальшивые, на два или три тона ушли вверх.

– Здравствуй, дорогой!.. А что это с твоим голосом?.. Правда? И после этого ты будешь утверждать, что твои парни – профессионалы экстра-класса?.. Ха-ха-ха! Ну, ладно, не бузи, дорогой, не бузи. Шалопаи они, а не профессионалы и поделом им...

Низкий приятный голос рокотал в нескольких шагах от меня. Незнакомый человек разговаривал по телефону. Пиликание наборных кнопок я принял за звуки детского пианино. Я лежал на полу, уткнувшись лицом в стену. Руки были связаны за спиной и онемели, словно их накачали новокаином. С головой было совсем туго. Мне было так плохо, словно я страдал от тяжелейшего похмелья.

– Хочу тебя обрадовать. Твой Цончик уже у меня... Нет, я еще ничего не выяснял, но не думаю, чтобы журналистов допустили в тот же вечер... Да жив-здоров, что с ним сдела-

ется! Правда, мои ребята чуть-чуть подморозили ему пятки, а я потом хотел сунуть его ножки в камин, на угольки, чтобы быстрее оттаял... Не трогать, говоришь? А на кой ляд тебе этот хлопец? Загнанный конь, причем, все вокруг уже знают, что загнанный. На такого даже самую копеечную ставку не сделаешь... Да брось ты, дорогой, не нервничай так сильно. Если ты хочешь узнать, что такое профессионалы, я как-нибудь потом тебе покажу... Ну, хоп, будь здоров!

Трубка негромко стукнулась о стол. Я придержал дыхание, стараясь дышать часто и неглубоко, но слышал только себя, так как в комнате повисла тишина. Я спиной почувствовал взгляд и, должно быть, невольно напрягся, чего бы не сделал человек, находящийся в беспамятстве.

Нога в ботинке наступила мне на плечо, заставляя повернуться на спину. Я не стал притворяться и закрывать глаза. Надо мной висел большой живот на подтяжках, из-за которого выглядывал край лица. Было похоже, что кто-то прячется за воздушным шаром и оттуда наблюдает за мной. Мне стало смешно, и мои губы невольно растянулись в улыбке.

– А-а-а, ржавая гайка! – приветливо улыбнулся человек. – Веселишься? Напрасно!

Он отошел, и я смог рассмотреть его в более естественном ракурсе. Он был невысокий, полный, круглый, как колобок. Брюки держались на подтяжках, отчего штанины казались короткими, и из-под них выглядывали серые в клеточку носки. Не высовывая рук из глубоких карманов, человек

что-то чесал и тем напоминал фокусника, который, спрятав в мешок голубя, производил какие-то манипуляции, чтобы затем вытащить зайца.

– Ну, что, Цончик? – спросил фокусник, продолжая работать руками в карманах. – С кем ты разговаривал? Что у тебя спрашивали?

Извиваясь, я приподнял плечи, оттолкнулся ногами и прислонился к стене. Повязка давно съехала с головы и теперь болталась на шее, как белый дешевый шарфик. Фокусник с некоторым недоумением смотрел на мои потуги, затем повернулся к мансардному окну, встроенному в косой потолок.

– Что заткнулся, дорогой? – спросил он, не поворачивая головы. – Я, что ли, за тебя говорить должен? Кто с тобой встречался?

– А вы кто? – спросил я.

Фокусник нахмурился и перестал чесаться.

– Дядя Жорж.

– Это ваше настоящее имя? – уточнил я и тотчас понял, что слишком рискую.

– Ты дурачком не прикидывайся, иначе тебе отобьют почки до кровавой мочи, – совершенно безобидным голосом пригрозил он, но я понял, что уже стою на грани этого наказания... Ну, кто тебя допрашивал?

– Сначала врач, а потом какой-то Егоров, – признался я.

– Кто такой Егоров? – быстро спросил Жорж, подхватил

со стеклянного журнального столика пакетик с фисташками и стал кидать орешки в рот.

– Он представился сотрудником отдела по борьбе с терроризмом, – ответил я.

Жорж перестал жевать, подозрительно глянул на пакет, сплюнул в него все, что скопилось во рту, закрутил, как фантик и положил туда, откуда взял.

– Сотрудник отдела чего? – сплевывая крошки, спросил он.

– В каком смысле? – на этот раз я в самом деле не понял вопроса.

– Какой же ты тупой, Цончик! – покачал головой мой собеседник. – Как коленвал! Где этот отдел находится? В ФСБ или МВД? Или в Интерполе? Ты удостоверение у него спросил?

Я пожал плечами.

– Не спросил. Не до этого было – мозги болели.

– Да ладно мне про свои мозги! – махнул он рукой. – То, чего нет, болеть не может... О чем он тебя спрашивал?

Я Цончик, внушал я себе, я Цончик, тупой, как коленвал, как ржавая гайка.

– Он спрашивал, не было ли у меня с собой черного кейса.

– А ты что? – шлифуя подошвы лаковых туфель о короткошерстный ковер, спросил Жорж.

– Сказал, что у меня не было.

– А что ты сказал про остальных шалопаев?

– Сказал, что не знаю их.

– Ну, естественно, очень умный ответ, – кивнул круглой головой Жорж, снова набирая на трубке "моторолы" знакомую мелодию. – Здравствуй, дорогой! Это снова я, – тихо проурчал он, остановившись у окна и глядя на пронзительно-светлый день. – Твоего шалопаю допрашивал некто Егоров, представившийся сотрудником отдела по борьбе с терроризмом... Он не знает, не поинтересовался... Нет такого? Главное, что в твоём ведомстве такого нет... Значит, эфэсбэ? Так я и знал... Даю, даю!

Забыв, что руки у меня связаны за спиной, он протянул мне трубку.

– На, супермен, позаикайся со своим хозяином.

Увидев, что я пытаюсь ухватить трубку зубами, вздохнул, покачал головой и пробормотал:

– Ничего не может! Даже гнилую бельевую веревку развязать!

Руки мне освободил низкорослый, узкоглазый человек неопределенного возраста, похожий на вьетнамца, который, казалось, все это время стоял под дверями мансарды, и едва Жорж приоткрыл ее, тотчас оказался на пороге комнаты. Он двигался частыми бесшумными шагами, опустив вниз плечи и прижав руки к бедрам, а одет был в плотно облегающее черное трико, словно исполнитель пантомимы.

Когда вьетнамец удалился, Жорж передал мне трубку. Кто они такие? – думал я, с ужасом понимая, что сейчас начну

путаться, неумело лгать, и своим же языком вырою себе могилу. Может быть, менты?

Я тихо кашлянул и, стараясь говорить бесцветным голо-сом, похожим на голоса людей всей планеты, произнес:

– Цончик.

– Фуенчик!! Идиоты!! Кретины!! – ворвался мне в ухо поток ругательств. – Где вы подобрали эту бомбу? Вам что было приказано? Элементарное дело, на шпану рассчитаное. Вы нашли этого ублюдка? Он что, вас, четверых дегенера-тов, обвел вокруг пальца?! На кой хрен я плачу тебе деньги? Когда я брал тебя на работу, ты что мне говорил?..

Хорошо, что он не давал мне ничего ответить, потому как отвечать было нечего, и я мимоходом просеивал весь этот ба-зарный диалект, отыскивая крупинки информации. "Ублюдок", которого "четверо дегенератов" должны были найти, по всей видимости, это я, то есть, Кирилл Вацура. Мне сей-час представлялось, что моя личность раздвоилась, и ко-пия, Вацура-2, бродит где-то по морозной предновогодней Москве, а я должен максимально обезопасить его жизнь.

– Мы нашли его, – слабым голосом произнес я. – В пятом часу он вышел из "Элекс-банка".

– Это я знаю! – нервно ответил мой абонент. – Дальше!

– Мы закрыли стоянку, где он прогревал автомобиль...

– Да не пересказывай мне то, что я сам же приказал сде-лать! – взвизгнул мой "хозяин". – Дубина стоеросовая! Я спрашиваю, где он?

– Мы его потеряли на две-три минуты, – ответил я, сходу придумывая легенду. – Он выбежал на набережную. Мне кажется, что там его кто-то ждал и обменял кейс.

– А-а-а!! – страшным голосом закричал мой нервный "хозяин". – Обменял!! Это же можно было предвидеть! Вам подсунули бомбу, а вы ее заглотили, как куры гнилого червя! И не успели отъехать, как сразу стали вскрывать кейс?

– Да, – покаялся я.

– Кто этот безмозглый тюлень? Нет, вам досталась слишком легкая смерть. Ты так не умрешь. Ты за всех рассчитаешься! Я тебе устрою все круги ада! Я спрашиваю, кто вскрыл кейс?!

Если бы я знал имя или кличку хотя бы одного из пассажиров взорвавшейся машины! Я ответил:

– Не знаю.

– Все ясно, – уже спокойным голосом произнес "хозяин". Так бывает, когда человек окончательно убедится в правоте своего решения. – Тебе скоро встречаться с ними на том свете, и ты не хочешь называть имя. Мне, впрочем, все равно. Ты зря выжил, Цончик.

Вацуру, кажется, я спас. Мой виртуальный двойник затерялся в многолюдной Москве. Никто уже его не ищет. Но над Цончиком навис дамоклов меч, а к его шкуре я прилип так крепко, что от удара ни увернуться, ни прикрыться. Я кинулся в ноги мобильному телефону, который сейчас олицетворял моего "хозяина".

– Постоите! – взволнованно заговорил я. – Я не могу отвечать за действия тех троих. Но за каждый свой шаг я готов отчитаться. Если бы мне не помешали, я бы взял Вацуру голыми руками!

– Если бы, если бы! – прервал меня "хозяин". – Ты все ищешь идеальные условия для работы.

– Дайте мне шанс исправить ошибку! – еще с большей энергией заговорил я, чувствуя, что "хозяин" вот-вот "расколется". – Я найду его за три дня. Я знаю, где его искать! Я приволоку его к вам живым или мертвым!

– Он мне нужен живым, Цончик! Я не коллекционирую трупы. – Возникла долгая пауза. "Хозяин" уже помиловал меня, но нарочно тянул время, чтобы насладиться властью надо мной – властью удава над кроликом. – Хорошо. Я дам тебе три дня. Если ты не найдешь его, то лучше сам ныряй под лед.

– Мне нужны две вещи, – поспешил я воспользоваться милостью "хозяина". – "Пушка" и мобильный телефон.

– Хорошо, тебе подвезут, – на удивление легко согласился "хозяин". – Все, Цончик. Мы обо всем поговорили. Время пошло.

Связь оборвалась. Я положил трубку на кровать, перед которой сидел на полу. Лицо мое горело, и мне нестерпимо хотелось лечь навзничь в снег. Жорж, покачивая лаковой тупфлей, сидел в кресле и с ленинским прищуром смотрел на меня.

– Что, ржавая гайка, нам снова шагать по жизни вместе? – Он скользнул взглядом по моим босым ногам. – А твоя самоуверенность мне нравится. Но только не фамилия. У тебя просто идиотская фамилия... Давно ты на Пашу работаешь?

– Не очень, – ответил я, поднимаясь с пола. – Вы не могли бы найти мне какую-нибудь одежду?

– Да, – согласился дядя Жорж с тем, что мне надо переодеться. – В этом виде ты напоминаешь мне беглого психически больного... Так что тебе пообещал твой хозяин? Подвезут то, что ты просил?

Я кивнул. Жорж призадумался, играя золотой цепочкой с кулоном.

– Ну, ладно, – сказал он, поднимаясь с кресла. – Пойдем со мной.

Мы вышли из мансарды и по закрученной лестнице спустились в большую комнату, в которой было все, что определяет роскошь: и дорогая мягкая мебель, и декоративные колонны, и мраморные скульптуры, и зимний сад с журчащим в его дебрях миниатюрным водопадом. Правда, всего этого было слишком много, и я шел за Жоржем, как за экскурсоводом по музею.

Значит, я начал охоту на самого себя. Трудно вляпаться в большую глупость. Вместо того, чтобы волком кинуться по следам Влада, я сам себя запутал в сетях весьма неопределенной третьей стороны, где все для меня было темнее ночи. Я понял только одно: от автостоянки до набережной за мной

гонялись люди "хозяина", которого зовут Паша, а из больницы увезли люди Жоржа. Сказать определенно, какую роль играла та и другая группа в моей судьбе, как и в криминальном мире, я пока не мог, потому как они уж очень смахивали одновременно и на представителей спецслужб, и на мафию.

Из большой комнаты-музея мы спустились еще ниже, в обшитый красным деревом и драпом коридор с огромными, во всю стену, окнами, через которые я увидел голубой снег, величественные сосны и розовые отсветы солнца на их верхушках. Здесь нас встретил вьетнамец. Все так же не поднимая глаз и слегка сутуля плечи, он появился перед Жоржем.

– Нгуен, найди ему одежду и отведи в душевую, – попросил его Жорж, причем таким мягким тоном, каким обычно обращаются не со слугой, а с равным. Вьетнамец кивнул головой и пошел впереди меня. Судя по тому, сколько мы миновали комнат и коридоров, я получил представление о внушительных размерах особняка.

Вьетнамец остановился у белой двери, открыл ее передо мной и включил свет.

– Сейчас я принесу все необходимое, – сказал он с легким приятным акцентом и бесшумно пошел по коридору.

Если бы проблемы можно было смыть с себя так же легко, как усталость – я простоял бы под душем до вечера. Тугие горячие струи хлестали меня по телу, потоки воды ласкали кожу, и мыльная пена, закручиваясь в спираль, исчезала в сливном отверстии. Незапотевающее от пара зеркало демон-

стрировало мне мою копию. Прежде чем намылить голову, я долго рассматривал свое покрытое синяками и ссадинами лицо. Интересно, как бы оно выглядело, если бы не шалопаи, а я вскрыл кейс? Осталось бы оно у меня вообще?

Почти счастливый оттого, что вопреки обстоятельствам остался жив, я закрутил краны и, завернувшись в полотенце, вышел в "предбанник". На журнальном столике, прикрытые салфеткой, стояли запотевшие бутылки с пивом. Но меня сейчас больше интересовала бритва и помазок. Предусмотрительный вьетнамец принес все, начиная от мыла и полотенца и заканчивая спортивным костюмом, шерстяными носками и кроссовками, но забыл про бритву.

Черная щетина придавала моему лицу совершенно дикий вид, и появляться в Москве, где на каждого небритого кидаются целое отделение милиции, я не мог.

Выглянув в коридор, я посмотрел по сторонам и негромко позвал:

– Эй, парень! Вьетнамец!

На мой зов никто не откликнулся. Я подумал, прилично ли будет ходить по особняку, одетым, так сказать, только в полотенце, но вытираться, натягивать на себя спортивный костюм, а потом снова идти в душевую кабину представлялось для меня слишком трудоемким процессом, и я, придерживая полотенце, как рукоять шашки, на цыпочках пошел по короткошерстному, словно шкура лошади, ковру.

Этот коридор планировал, наверное, любитель кроссвор-

дов. Несколько раз он переламывался углом, коброй поднимался наверх, подставляя мне под ноги ступени, а потом водопадом уходил вниз. В нем было тепло, и я не чувствовал дискомфорта, разгуливая по нему в костюме Адама. Четыре поворота, два подъема и спуска – и ни одной двери! Должно быть, я обошел особняк по периметру, и уже чувствовал себя, как в лабиринте, из которого нет выхода, как вдруг часть стены слева от меня ушла вглубь прямоугольным провалом, и я на мгновение увидел комнату с большой кроватью, туалетным столиком и пуфиком рядом с ним.

Я отшатнулся от дверного проема, давая возможность выйти в коридор молодой, очень красивой даме с бронзовым от загара лицом, с туго стянутыми на затылке темными волосами и прекрасными глазами, излучающими безразличие и надменность. Она лишь мельком взглянула на меня, никак не отреагировала на такое любопытное зрелище и, махнув длинными полами норковой расклешенной шубки, окутала меня горьким запахом дорогого парфюма.

Дверь за ней захлопнулась, вновь слившись со стеной. Дама быстро пошла по коридору, свернула за угол, и я вновь услышал, как хлопнула дверь. Оказывается, коридор был просто напичкан дверями, просто я не придавал значения маленьким золоченым ручкам, исполненным в виде спящих амурчиков.

Любопытство пересилило осторожность, и я беззвучно пошел по запаху духов. За поворотом я уже без труда нашел

дверь, надавил на голову амурчика и, предвидя возможность крепкой зуботычины, сначала посмотрел через тонкую щель.

Дверь выводила на широкую лестницу из белого мрамора, водопадом стекающую вниз и разбивающуюся на два расходящихся в стороны рукава. Здесь было холодно. Через открытое витражное окно проникал мороз. Девственно чистые сугробы, которые я видел через окно, слепили глаза, и я не сразу различил задок белого "мерседеса", а перед ним – спину Жоржа, на плечи которого была накинута рыжая дубленка.

Скрипя зубами от холода, я сбежал по лестнице вниз, к окну и, встав на цыпочки, осторожно приподнял подбородок над рамой.

Рядом с Жоржем стояла дама в норковой шубке.

– ...Можно сегодня. У него консультация в министерстве, – негромко говорила она. Ее голос тонул в тихом урчании автомобильного мотора. – А потом презентация в какой-то липовой фирме. Как всегда он нажрется, и я повезу его в Бирюлево, потому что на даче нет запасных рубашек и костюмов.

– Ты даешь гарантию?

– Да. Оно там... На прошлой неделе я намекнула ему, что хотела бы золотой антиквариат в подарок на рождество.

– И что он ответил?

– Он сразу же подумал вслух про грейдер, которым надо расчистить снег от трассы до дачи... Это вышло произ-

вольно, и он очень смутился.

– Прекрасно. Прекрасно, – сказал Жорж, прожигая даму взглядом. – Значит, сегодня. – Он опустил взгляд. – Ты стоишь в туфлях на снегу. Поезжай! Будь осторожна, гололед. Целую твою попку!

Дама вместо попки подставила загорелую щеку.

– Забыла спросить, – сказала дама, открыв дверь "мерседеса". – А что это за голый парень по коридорам бродит?

Жорж не сразу сообразил, о ком она говорит. Кажется, он произнес какое-то нелепое ругательство, что-то вроде "ржавой коробки передач", а я сразу сорвался с места, кинувшись по ступеням вверх, и едва не сшиб вьетнамца. Тот, сверкая черными узкими глазами, хмурил лоб и хватал меня за руку.

– Вам нельзя здесь находиться! Кто вам разрешил зайти сюда? Немедленно...

– Мне нужна бритва, – ответил я, не сопротивляясь, но и не позволяя себя слишком дергать.

Мы протиснулись в дверь, ведущую в коридор.

– Сейчас я все вам принесу, – хмуро сказал вьетнамец. – Ждите меня в душевой. Делайте то, что вам говорят. Я бы не советовал вам ходить, где вздумается.

Он довел меня до белой двери. Ничего не понимаю, подумал я, заходя в душевую и обрушивая на себя теплый водопад.

Вьетнамец, снова превратившись в безропотного слугу, постучался, вошел в предбанник и, не поднимая глаз, поло-

жил на столик одноразовый станок, помазок и тюбик с кремом. Я с удовольствием очистил лицо от растительности и, вытеревшись, облачился в спортивный костюм.

Вьетнамец ждал меня в коридоре.

– Следуйте за мной, – сказал он и проводил меня на мансарду.

В маленькой комнате со скошенным потолком я остался один. Прыгнул спиной на кровать, сцепил ладони под затылком, качнулся на поролоновом матрасе. А красивая баба у Жоржа, подумал я. И, похоже, очень умная. Что-то они вдвоем затевают. Кто-то сегодня нажрется и поедет ночевать в Бирюлево.

Какой-то предмет уперся мне в бок. Я пошарил рукой и вытащил из-под себя трубку мобильного телефона. А-а, электрическое пианино!

Если бы я не стал авантюристом, то стал бы музыкантом. Слух у меня, конечно, не идеальный, но музыку я запоминаю легко и могу ее подобрать на фоно или на гитаре. А воспроизвести "Подмосковные вечера" на мобильном телефоне – вообще пара пустяков.

Я начал с "восьмерки", но нота оказалась слишком низкой. А вот "девятка" пискнула точно. Следом за ней "восьмерка", а вот "двойка" сфальшивила. Я взял выше и уверенно набрал первые три цифры: 983. Дальше – проще: кнопки "2" и "1" я угадал легко и быстро, как юный Моцарт на слух повторил услышанную в костеле органную мессу. С по-

следними двумя цифрами пришлось повозиться дольше, и я не был до конца уверен, правильно ли я воспроизвел номер своего "хозяина" до тех пор, пока мне не ответил уже знакомый нервный голос:

– Слушаю!

Прервав связь, я отбросил трубку. Номер я высчитал, подумал я, а по номеру можно определить адрес и фамилию. Есть такая платная услуга в Москве.

Я еще не успел придумать, какую выгоду можно извлечь из этой идеи, и что буду делать, когда нагряну в гости к этому не совсем здоровому в нервном отношении человеку по имени Паша, как за окнами раздались гул мотора и визг колес о наледь. Подскочив к окну, я увидел, как по расчищенной от снега дорожке к особняку подруливает фиолетовый "фольксваген".

Это мне везут пистолет и телефон, почему-то сразу понял я, и в душе приятно колыхнулось предчувствие подарка, как было когда-то давно-давно в детстве, на новогоднем утреннике, где правила бал детдомовская уборщица в красном халате, сшитом из транспаранта, в парике из пеньковой мочалки и бумажной кучерявой бородой.

Мыслями я был в счастливом и неразумном детстве и, не сознавая, что происходит, невидящими глазами смотрел на "фольксваген", который остановился у парадного подъезда. Открылась дверь, бросив солнечный зайчик на окна особняка. Из машины, низко пригнув голову, не без труда вылез

рослый мужчина в темной куртке, с косичкой, стянутой на затылке кожаным ремешком, в тяжелых ботинках с мощной подошвой, изрезанной глубоким протектором.

С ужасом, вывалившись из теплого детства в холодную реальность, я узнал в этом человеке своего друга Влада Уварова.

6

Если бы мне приходилось уносить ноги от чужой жены в тот миг, когда ее муж неожиданно вернулся из командировки, я делал бы это менее резво и с большим чувством собственного достоинства. Сейчас же, в этот момент светопреставления, все мои теоретически возможные неудачи слились в один миг, который приближался с фатальной неотвратимостью. Рушился шанс выбраться отсюда под именем Цончика, прихватив с собой телефон и пистолет. Сгорала, как бумага в огне, возможность незаметно для Влада выйти на его следы и припереть к стене. И сама моя жизнь, как способ существования белковых тел, становилась весьма проблематичной.

Я кинулся к двери, распахнул ее, ожидая увидеть на пороге вьетнамца и сходу сокрушить его ударом в челюсть, но лестница, похожая на фрагмент молекулы ДНК, была пуста. Я спустился в огромную комнату-музей и, задевая холодные тела античных богов, сделал по ней несколько хаотичных перемещений. Ничего более умного, чем спрятаться среди кашпо и пальмовых стволов зимнего сада, мне в голову не пришло. Кинувшись в зеленую чашу и распугав сидящих на ветках волнистых попугаев, я лег на палас цвета травы и спрятался за фарфоровым фундаментом водопада. Маленький голубой попугай, тотчас приземлившись мне на плечо, ми-

гом нагадил на воротник и, бочком приблизившись к моему уху, стал жадно его покусывать.

В это время в дальнем углу комнаты, огороженном колонной и встроенным в нее большим аквариумом, показался Влад в сопровождении вьетнамца. Влад нес в руке черный кожаный кейс, очень похожий на тот, который он оставил мне в сейфе "Элекс-банка". Они безмолвно прошли к лестнице и стали подниматься на мансарду. В этот момент меня отделяло от Влада каких-нибудь три-четыре шага, и я внимательно рассмотрел его профиль.

Предатель! Тупоголовый Кинг-Конг! – мысленно проклинал я бывшего друга, прожигая взглядом хорошо знакомые черты лица, мясистые губы, длинный, по-орлиному сгорбленный нос, высокий, с залысинами, лоб, который подчеркивала прическа "а ля Б.Г.", и сильные руки, на одной из которых поблескивал золоченый браслет швейцарских часов. Он мало изменился с тех пор, как мы в последний раз виделись после наших приключений в Закарпатье, но на его лице, сильной фигуре, плавных движениях мне отчетливо виделась печать греха Иуды, и все во Владе – от его косички, вопросительным знаком опускающейся на воротник куртки, до сильных ног, тяжелым прессом давящих ступени – вызывало во мне гадливость и отвращение.

Маленький садист, сидящий на моем плече, озверел окончательно, пытаясь склевать мое ухо, и как только Влад и вьетнамец скрылись на мансарде, я схватил попугая, оторвав его

от уха, как клеща, и поднес к лицу. Голубой подлец вытянул когтистые лапки, раскрыл клюв и пронзительно запищал.

Они не станут меня искать, думал я. Влад оставит передачу на мансарде и уедет восвояси.

Я выпустил попугая, подкинув его вверх. Птица тотчас сбросила на меня известковую бомбочку, села на ветку фикуса и шипящим голосом испорченного приемника выдала какую-то ругательную тираду.

Влад и вьетнамец снова показались на лестнице. На этот раз они шли заметно быстрее. Мне показалось, что плавные, кошачьи движения вьетнамца наполнены скрытой угрозой. Влад держал в руках тот же кейс, с которым поднимался наверх.

– Сейчас я его найду, – сказал вьетнамец с легким поклоном. – Подождите меня здесь.

Только этого еще мне не хватало! Влад посмотрел по сторонам и направился к дивану из белой кожи с пышными формами. Он сел как раз напротив меня и, откинувшись на дутые подушки, уставился в зеркальный потолок.

Я мог плюнуть и попасть в него, так близко он сидел. Сдерживая дыхание, я медленно опустил голову на палас и поджал под себя руки. От напряжения стали ныть спина и шея. Я попытался расслабиться, подобно медузе растечься по полу, но внезапно снова проявил агрессивность маленький поганец. Решив, что я уже почти добит и морально сломлен, попугай победно зачирикал и спикировал мне на голо-

ву. Не знаю, что он там вытворял, но звуки он издавал пронзительные и страшные, что не могло не привлечь внимания Влада.

Он опустил лицо и посмотрел в мою сторону, затем поднялся с дивана и медленно пошел к водопаду. Я похолодел, и не столько от страха, что буду замечен, и песенка моя будет спета, сколько от того, в каком виде меня застанет мой заклятый враг. Более идиотской позы трудно придумать – лежа на полу с попугаем на голове. Останется растянуть губы в улыбке кретина и сказать: "З-з-здравствуй, Вова!"

Ну уж нет! Я не стану дожидаться, пока Влад меня увидит. За мгновение до этого я вскочу на ноги и схвачу его за горло. Влад, конечно, сильнее меня и, рано или поздно, повалит на пол, но лучше такой финал, чем клоунский вид.

Я уже напрягся, как пружина, готовый вскочить на ноги и ударить головой в лицо Влада. Неожиданность и жестокость этого удара могли даже в этой гиблой ситуации дать мне некоторые преимущества. Нас уже разделяли три шага, два...

Вдруг мой пернатый мучитель, почуяв в приближающемся человеке конкурента, взмыл в воздух, сделал разведывательный облет вокруг крупной головы Влада и, растопырив коготочки, устремился на его плечо.

– Кыш! – зашипел Влад, машинально прикрыв лицо рукой.

Момент был очень удобный, но я словно прирос к полу.

– Вот же настырное животное, – негромко произнес Влад, отступая от зарослей на прежние позиции.

Напряжение спало. Мой враг повернулся к фонтану спиной и, отмахиваясь от попугая, как от мухи, вернулся к дивану.

Я почувствовал, как меня с опозданием прошиб холодный пот. Спасибо глупому попугаю, подумал я. Если бы не его атака, то сейчас Влад добивал бы меня своими кулаками-кувалдами.

Из-за колонны показался черный силуэт вьетнамца.

– Прошу следовать за мной, – сказал он Владу.

Пронесло! – подумал я, и как только они ушли вниз, я оставил свое убежище и быстро скользнул по лестнице на мансарду. Зашел в комнату, беззвучно прикрыл за собой дверь и приблизился к окну.

"Фольксваген" Влада по-прежнему стоял перед входом в особняк. Из выхлопной трубы вился дымок. Если не ошибаюсь, Влад заглушил машину, прежде чем выйти из нее. Значит, он уже в ней и собирается уезжать.

От переполнившего меня чувства ликования я стиснул кулаки и воинственно потряс ими в воздухе. В таком виде и застал меня Жорж, который неожиданно появился на пороге комнаты.

– Ты что ж, в кошки-мышки с нами надумал играть? – спросил он, по локти засунув руки в карманы брюк. – Почему тебя должны искать?

Я не был готов стремительно солгать, и смог лишь молча пожать плечами и развести руки в стороны. Жорж шагнул через порог, прислонил руку к двери и нажал кнопку вызова, затем опустился в кресло и занялся изучением своих ногтей.

Я, как статуя из зимнего сада, застыл у окна, не в силах оторвать взгляд от двери.

Первым вошел вьетнамец. Словно не замечая меня, он тенью пересек комнату и полусогнутой вешалкой встал справа от шефа. Затем вошел Влад. Я почувствовал, что у меня вдруг испарились силы и воля, и я совершенно не способен бороться, и хочу лишь добровольно опустить голову на плаху.

Влад потоптался на пороге, медленно поднял голову и посмотрел на меня. Наши взгляды встретились. Лицо Влада окаменело, но это, кажется, было заметно только мне. Я ждал, когда его толстые губы расплывутся в изуверской улыбке, и он воскликнет: "А-а-а, вот ты где, мой золотой!" Но Влад почему-то тянул, и теперь уже я, как Чапаевец, подвергшийся психической атаке, захотел рвануть на себе рубашку и крикнуть: "Стреляй, гад!"

Влад опустил глаза. Мне казалось, что самообладание дается ему невероятным напряжением воли.

– Ты... Цончик? – не своим голосом произнес Влад, как-то странно глядя на меня – то ли на губы, то ли на подбородок.

Я не смог ничего ответить. Взгляд мой намертво прилип к

руке Влада, в которой медленно покачивался черный квадрат, отливая матовыми аспидными боками. Жорж внимательно наблюдал за нами, словно получал удовольствие от напряжения, возникшего между мной и Владом.

Влад, назвав меня Цончиком, вроде бы давал мне шанс, но я даже не попытался им воспользоваться. У меня ком застрял в горле. Я понимал, что если сейчас произнесу "Да, я Цончик", то голос выдаст меня с головой, это во-первых. А во-вторых, вслед за этим Влад протянет мне черный кожаный кейс. А я с недавних пор зарекся прикасаться к кейсам, которые побывали в руках Влада.

Ситуация становилась просто идиотской. Я покачал головой, повернулся к окну, скрывая замешательство, и только в таком положении смог произнести:

– Я вас не знаю.

Это была дурная импровизация, но этим ответом я, кажется, попал в десятку. В самом деле, если Цончик состоял на службе у богатого или влиятельного человека, то почему он должен открываться перед каждым встречным?

– Как? – совсем не удивленным голосом удивился Жорж. – Вы разве не знаете друг друга?

– Я первый раз вижу этого человека, – ответил я.

Теперь, кажется, Влад всерьез растерялся. Я рушил очень хрупкий негласный сговор, который он пытался наладить. Я отказался от его правил игры и навязывал свои, а он не знал, как поступать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.